

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15⁰⁰ ФЕВРАЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Университетская автономія и чиновническій произволъ. — 2) Нѣмецкій ученый 30-хъ годовъ о тогдашней Толстовщинѣ. — 3) Къ университетскому вопросу (письма въ редакцію «Вольнаго Слова»): I. Опрсовъ и студенческія волненія въ Казани. II. Университетскіе урядники. — 4) О письмѣ гг. Михайловскаго и Шелгунова. — 5) Замѣчательный побѣтъ. — 6) Земскіе проекты. III. Елизаветградская записка о препятствіяхъ къ дѣятельности земствъ. — 7) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. IV. З. С. — 8) Польскій проектъ всероссійской политической реформы. X. С. — а. — 9) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». I. Иркутское письмо М. А. Бакуну на къ А. И. Герцену. (Окончаніе). — 10) Рабочій день и фабричное законодательство. (Продолженіе). В. Г. — 11) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VI. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе). Н. Жебунева. — 12) Извѣстія и замѣтки: Святосъ семьи въ Россіи. — Хотя бы грамотѣ выучились. — Гг. Побѣдоносцевъ и Герогины. — Комиссія тайныхъ совѣтниковъ и семинаристовъ. — Работа Тверскаго земства и проектъ гг. Кадѣбу. — Вымышленная прокламація.

Жебунева, 15 февраля 1883.

Читатели найдутъ далѣе нѣсколько заготовленныхъ, но все же характерныхъ свѣдѣній о причинахъ волненій въ казанскомъ университетѣ, а также письмо объ университетской инспекціи въ Харьковѣ, которую наши корреспонденты совершенно вѣрно приравниваютъ къ урядникамъ. Свѣдѣнія эти, полагаемъ, прибавляютъ новымъ даннымъ къ вопросу, о которомъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ заставляли насъ говорить нѣсколько разъ и о которомъ, впрочемъ, мы все избѣгали говорить подробно, думая, что въ Россіи онъ неразрѣшимъ безъ рѣшенія болѣе широкаго вопроса: объ общей политической свободѣ. Но вопросъ этотъ стоитъ на лицѣ между прочимъ и въ видѣ устава университетовъ, который теперь внесенъ въ государственный совѣтъ, и требуетъ, чтобы о немъ высказались всѣ отъѣлки общественнаго мнѣнія съ извѣстной полнотою. Послѣднее необходимо между прочимъ и потому, что объ этомъ университетскомъ вопросѣ существуетъ до того неясное представленіе и въ самомъ обществѣ, что среди него даже элементы далеко не реакціонные готовы сойтись, хоть по нѣкоторымъ пунктамъ вопроса, съ заведомо реакціоннымъ правительствомъ.

Мы уже мимоходомъ замѣтили это, указывая на неудовольствіе, выразившееся въ нѣкоторыхъ либеральныхъ газетахъ противъ университетской автономіи, по уставу 1863 г., которая-де являлась автономіей профессоровъ

гешефтвахеровъ. Неудовольствіе это было бы совершенно законно, если бы оно не сопровождалось отрицаніемъ принципа корпоративной автономіи вообще и удовольствіемъ при ожиданіи устава, который окончательно отдастъ наши университеты въ руки министерства и его агентовъ.

Прежде всего совершенно напрасно бы кто считалъ, что уставъ 1863 г. вводилъ въ Россію полную автономію университетовъ, — а не одно только нѣкоторое административное самоуправленіе старшихъ по службѣ профессоровъ (ординарныхъ и экстраординарныхъ) при постоянномъ однако же контролѣ и вмѣшательствѣ попечителей и министра. Уставъ этотъ, во первыхъ, поставилъ въ совершенно безправное положеніе доцентовъ, — за тѣмъ не только не обезвѣчилъ корпоративной организаціи студентовъ, но разбилъ даже ту, которая фактически уже выработалась жизнью въ 1857—1862 гг. и которая въ нѣкоторыхъ университетахъ (напр., въ Кіевѣ, благодаря управленію Пирогова) достигла весьма широкихъ размѣровъ. Уставъ этотъ, наконецъ, не давалъ главной изъ академическихъ свободъ: свободы науки *). При-

*) Вотъ какъ опредѣляли мы въ одной изъ нашихъ брошюръ, писанной еще во времена Л. Мелковскихъ влійій, — когда, послѣ отставки гр. Толстого многіе увлекались иллюзіями о наступленіи мира въ нашихъ высшихъ школахъ, — три круга академическихъ свободъ, существующихъ въ цивилизованныхъ странахъ:

«Академическое общество или даже академическое государство, Civitas academica, какъ говорятъ на Западѣ, общество спеціальное, составленное изъ индивидуумовъ извѣстнаго труда, а также изъ тѣхъ, которые учатся у нихъ этому труду и его приложенію. Всего скорѣе можно сравнить школу, особенно высшую, съ фабрикой, въ которой мы видимъ полныхъ рабочихъ и учениковъ, переходящихъ постепенно въ полные рабочіе. Очевидно, что спеціальное это общество должно имѣть извѣстную дисциплину, выходящую изъ сущности процессовъ своего производства и, конечно, соотвѣтственную возрасту членовъ корпораціи. Но очевидно также, что общество это должно имѣть и свою свободу и въ цѣломъ, и въ частяхъ. Свобода эта по отношенію къ окружающей средѣ должна выражаться въ извѣстномъ самоуправленіи, которое бы не допускало до распоряженія въ дѣлахъ корпораціи людей и вѣдомствъ, которыя, не имѣя спеціальной подготовки или имѣя цѣли совсѣмъ противоположныя цѣлямъ корпораціи, портили бы самый предметъ ея производства, — науку. Затѣмъ самый этотъ, такъ сказать, товаръ, наука требуетъ, для успешности своего производства, свободы мысли, т. е. слова, которая поэтому и есть самая главная изъ всѣхъ свободъ академическихъ. Такъ какъ въ высшихъ школахъ въ производствѣ научнаго товара участвуютъ вовсе не одни полные рабочіе, профес-

сомъ нѣкоторая автономія профессорской аристократіи, будучи открыта для административныхъ влійій, не была поставлена подъ контроль общественнаго мнѣнія свободной печати, а тѣмъ болѣе областнаго представительства. Только въ томъ случаѣ, если бы испробована была такая полная автономія, какаю сейчасъ нами намѣчена, можно бы было рѣшать, годенъ ли негоденъ для нашихъ высшихъ школъ принципъ автономіи.

Совершенно напрасно записываютъ на счетъ автономіи университетовъ и равнодушіе къ наукѣ и гешефтвахерство многихъ изъ профессоровъ. Что въ общемъ теперь научный уровень нашего профессорства повысился противъ прежняго, — это, казалось бы, не требуетъ и доказательствъ. Теперь во всякомъ случаѣ каждый, самый лѣнивый факультетъ можетъ указать на томы сочиненій своихъ членовъ, которыя не безызвѣстны и за границей, тогда какъ двадцать-тридцать лѣтъ назадъ даже сочиненія тогдашнихъ университетскихъ знаменитостей были по большей части компиляціей заграничныхъ книжекъ. Мы справедливо возмущаемся, видя профессоровъ редакторами офиціозныхъ газетъ (Кіевлиннѣ, Волжско-Камскій Вѣстникъ) или деректорами грюндерскихъ банковъ, — но вспомнимъ, что въ Николеевскія времена профессора заурядъ бывали цензорами (одинъ изъ видовъ заплочнаго мастерства), держали богатыхъ пансіонеровъ, которыхъ проводили въ студенты и кандидаты, при- нуждали студентовъ брать у нихъ уроки передъ экзаменами и брали за это плату даже серебряными ложками. Наконецъ, если уни-

сора, но и ихъ помощники-ученики, студенты, такъ какъ самое усвоеніе этими послѣдними мыслей профессоровъ есть тоже работа, а не пассивное только потребленіе, и работа, требующая, для успешности своего процесса, тоже свободнаго обмена мыслей, то поэтому свобода научнаго слова есть необходимое условіе и для студентовъ высшихъ школъ. Эта свобода слова должна существовать для каѣдры, для научныхъ собраній профессоровъ и студентовъ вмѣстѣ и студентовъ отдѣльно, а также для академической печати. Наконецъ, постоянный совмѣстный трудъ порождаетъ между членами высшей школы, между преподавателями и студентами (порознь и вмѣстѣ), цѣлый рядъ личныя связи, которая тоже естественно влечетъ ихъ къ совмѣстному удовлетворенію чисто личныя потребности: совмѣстнаго преподаванія времени, взаимной помощи и т. п. Отсюда вытекаетъ потребность въ чисто товарищескихъ учрежденіяхъ, каковы клубы, читальни, кассы помощи и т. п., которыя требуютъ для себя тоже извѣстной свободы».

земства назначается главою государства и состоитъ въ то же время председателемъ постоянного исполнительнаго комитета провинціального земства, въ составъ котораго, кромѣ председатели, входятъ вице-председатель и три члена, избираемые земствомъ. Общее собраніе земства собирается одинъ разъ въ годъ по приглашенію своего председателя и въ срокъ имъ назначенный, открывается и закрывается генераль-губернаторомъ провинціи, на утвержденіе котораго представляются и все его рѣшенія. Въ кругъ вѣденія земства входитъ все то, что подлежитъ вѣденію земства и теперь.

Кромѣ установленнымъ закономъ предѣловъ, земство не имѣетъ права заниматься обсужденіемъ никакихъ другихъ вопросовъ, въ дѣлахъ же, требующихъ сношеній съ другими земствами, сносятся съ ними черезъ своего генераль-губернатора. Въ случаѣ какаго нибудь умышленнаго ущемленія со стороны провинціального земства, генераль-губернаторъ имѣетъ право распустить земство «по повелѣнію министра внутреннихъ дѣлъ», назначивши въ то же время срокъ новыхъ выборовъ, а исполненіе лежащихъ на земствѣ повинностей имѣетъ право повелѣть произвести посредствомъ подлежащаго губернскаго правленія «на счетъ самого же того уполнаго земства». Административныя пререканія между земствомъ и генераль-губернаторомъ разрѣшаются министромъ внутреннихъ дѣлъ съ правомъ апелляціи Сенату.

Въ тѣсной связи съ волостными и провинціальными самоуправленіемъ находится и проектируемая авторомъ разбрасываемой нами книги организация губернской и уѣздной администраціи, а также и мировой юстиціи. Въ выборѣ лицъ уѣздной администраціи волостное самоуправленіе непосредственно никакого участія не принимаетъ, вліяніе же его на эту администрацію заключается только въ томъ, что оно входитъ въ составъ избирателей губернскаго правленія. Это послѣднее учрежденіе составляется изъ депутатовъ или совѣтниковъ отъ каждаго уѣзда, избираемыхъ волостными и городскими думами вмѣстѣ съ съѣздомъ уѣздныхъ мировыхъ судей и состоитъ подъ предѣлительствомъ губернатора, назначаемого генераль-губернаторомъ изъ числа трехъ кандидатовъ, избранныхъ для этого провинціальнымъ земствомъ. Губернское правленіе заведываетъ общей полиціей въ губерніи, всеми дѣлами нынѣ существующаго губернскаго правленія и губернской земской управы. Въ качествѣ высшаго полицейскаго и административнаго учрежденія въ губерніи, оно назначается въ каждый уѣздъ особое уѣздное полицейское управленіе, состоящее изъ исправника, его помощника и двухъ членовъ или засѣдателей. Это учрежденіе дѣйствуетъ какъ делегация губернскаго правленія и наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ и общественнымъ порядкомъ въ уѣздѣ. Ему, въ качествѣ низшихъ административныхъ лицъ, подчиняются волостные старшины и городскіе головы, представляющіе собою волостную и городскую полицію, а черезъ нихъ и сельскіе старосты — представители сельской полиціи. Губернаторы находятся въ непосредственномъ подчиненіи у генераль-губер-

натора, а черезъ него и у министра внутреннихъ дѣлъ, какъ у представителя центральной государственной администраціи. Они также точно, какъ и все лица губернскаго и уѣзднаго управленія, могутъ быть во всякое время удалены отъ должности властью генераль-губернатора, который долженъ назначить новые выборы, а до того времени имѣетъ право замѣнить всякое удаленное лицо другимъ, по своему усмотрѣнію. Мировые судьи избираются, по проекту нашего автора, волостными и городскими думами и въ каждомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ почетными мировыми судьями составляютъ вѣсеную инстанцію, — мировой съѣздъ. Это учрежденіе, въ качествѣ совѣщательнаго члена, даетъ свои заключенія почти по всемъ дѣламъ, касающимся мѣстной администраціи, распределенія налоговъ, раздѣленія общественныхъ земель, отѣмъ сельскихъ сервитутныхъ и т. п. Почетные мировые судьи, по довольно оригинальной (хотя и совѣтъ понятной) идее автора, желающаго дать повсюду возможно сильное вліяніе дворянству, назначаются генераль-губернаторомъ по личной просьбѣ самихъ кандидатовъ и съ согласія мирового съѣзда, причемъ отказъ со стороны того или другаго долженъ быть мотивированъ.

Наконецъ, общегосударственное самоуправленіе, по проекту автора, должно состоять изъ двухъ законодательныхъ Палатъ: Боярскаго Думъ и Земскаго Собора, коронѣ же авторъ оставляетъ только власть исполнительную. Утвержденіе государственнаго бюджета онъ относитъ къ компетенціи единственно Земскаго Собора или Палаты депутатовъ, Земскому же Собору, наравнѣ съ короной, должна принадлежать и законодательная инициатива, но для утвержденія закона считается необходимымъ согласіе всѣхъ трехъ властей. Права Палаты, по совершенно справедливому и чрезвычайно важному замѣчанію автора, должны вовсе не касаться предметовъ, предоставленныхъ вѣденію земства, чтобы разъ на всегда и рѣшительно устранить всякія централистическія поползновенія Палаты, особенно въ томъ случаѣ, если бы бюрократическій элементъ могъ когда-либо сдѣлаться въ ней преобладающимъ. Для составленія Боярскаго Думъ, авторъ находитъ возможнымъ, чтобы корона сначала избрала нѣсколько «благородныхъ» родовъ, которымъ было бы пожаловано потомственное боярское достоинство съ правомъ засѣдать въ Думѣ, и сохранила за собою право новыхъ назначеній въ послѣдствіи; кромѣ того, по проекту нашего автора, въ составъ Боярскаго Думъ должны входить въ качествѣ почетныхъ членовъ — представители земства, выбранные на основаніи особаго закона; наконецъ, въ составъ Боярскаго Думъ онъ включаетъ также ректоровъ университетовъ и главъ важнѣйшихъ городовъ Россіи. Земскій Соборъ или Палата депутатовъ, по плану автора, должна составляться изъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда и отъ городовъ, сообразно количеству ихъ населенія причемъ, по мнѣнію автора, право представительства должно быть распространено на всѣ рѣшительно области Россіи, не исключая и самыхъ дикихъ, такъ какъ это съ одной стороны приучило бы и наиболѣе отдаленныя мѣстности къ благамъ цивилизаціи и съ дру-

гой дало бы законную возможность высказаться тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ есть сепаратистическія наклонности, что было бы самымъ лучшимъ способомъ оградить государство отъ всякихъ тайныхъ волненій. Члены Боярскихъ Думъ не должны получать отъ государства никакого вознагражденія для того, говорятъ авторъ, чтобы исключить возможность смотрѣть на депутатское званіе, какъ на выгодную въ матеріальномъ отношеніи карьеру, или скорѣе для того, прибавимъ мы отъ себя, чтобы затруднить по возможности болѣе доступъ въ Палату людямъ мало-имущимъ. Затѣмъ авторъ находитъ необходимымъ введеніе у насъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ нѣкотораго избирательнаго ценза, въ виду, какъ онъ говоритъ, «дѣйствительной независимости избранія» (? !).

Для снятія съ Главы государства отвѣтственности за все промахи управленія и для упроченія единства власти, авторъ предлагаетъ учрежденіе однороднаго и отвѣтственнаго министерства, подъ руководствомъ министра-президента, обязаннаго давать свое управленіе всему. Выше же наблюденіе за исполненіемъ законовъ, кассационная власть въ судебномъ порядкѣ, храненіе и обнародованіе законовъ, разрѣшеніе пререканій о подсудности и превышеніи власти, дисциплинарный судъ по ущемленіямъ чиновниковъ и министровъ и, наконецъ, высшій контроль государственныхъ расходовъ — должны, по мнѣнію автора находиться въ вѣденіи Сената, который, такимъ образомъ, получаетъ болѣе определенное значеніе высшей судебной инстанціи въ государствѣ.

Наконецъ, въ видѣ заключенія книги мы находимъ, въ связи со всемъ въ ней сказаннымъ, такой рядъ желательныхъ авторомъ немедленныхъ мѣропріятій: 1) Императорскій манифестъ, объявляющій о наступленіи новой эры. 2) Свобода печати. 3) Совершенная административная децентрализція. 4) Преобразование Правит. Сената въ упомянутомъ выше смыслѣ. 5) Экономическая и финансовая реформа. 6) Учрежденіе однороднаго и отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ министерства. 7) Упраздненіе Государственнаго Совѣта. 8) Конституція, пожалованная Гос. Императоромъ и утвержденная его присогой. 9) Национальное представительство, состоящее изъ Боярскаго Думъ и Земскаго Собора...

Х. С.-а.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦИИ „КОЛОКОЛА“.

Иркутское письмо М. А. Банунина къ А. И. Герцену.
(Окончаніе).

Я намѣренъ вѣкорѣ послать Вамъ подробный журналъ моихъ faits et gestes со времени нашей послѣдней разлуки въ Avenue Marigny, а теперь скажу только нѣсколько словъ о своемъ настоящемъ положеніи. Просидѣвъ годъ въ Саронинъ, сначала въ Дрезденѣ, потомъ въ Königstein, около года въ Прагѣ, около пяти мѣсяцевъ въ Ольмюцѣ, все въ цѣлкахъ, а въ Ольмюцѣ и приковаанный къ стѣнѣ, — я былъ перевезенъ въ Россію: въ Германіи и Австріи мои отвѣты на допросы были весьма коротки: «Принципы Вы мои знаете, я ихъ не таилъ и высказывалъ громко».

я желать единства демократизованной Германіи, освобожденія Славянъ, разрушенія всѣхъ насильственно сплоченныхъ царствъ, прежде всего разрушенія Австрійской Имперіи; — и взять Ваши съ оружіемъ въ рукахъ—довольно Вамъ данныхъ, чтобы судить меня. Больше же ни на какіе вопросы я Вамъ отвѣчать не стану». Въ 1851 году въ маѣ я былъ перевезенъ въ Россію, прямо въ Петропавловскую крѣпость, въ Алексѣевскій рavelинъ, — гдѣ я просидѣлъ 3 года. Мѣсяца два по моему прибытію, явился ко мнѣ графъ Орловъ отъ имени государя: «Государь прислалъ меня къ Вамъ и приказалъ Вамъ сказать: скажи ему, чтобы онъ написалъ мнѣ, какъ духовный сынъ пишетъ къ духовному отцу, — хотите Вы писать?» Я подумалъ немного и размыслилъ, что передъ мною, при открытомъ судопроизводствѣ, я долженъ былъ выдержать роль до конца. Но что въ четырехъ стѣнахъ, во власти медвѣды, я могъ безъ стыда смячить формы, и потому потребовалъ мѣсяць времени, согласился — и написалъ въ самомъ дѣлѣ родъ неовѣдн, нѣчто въ родѣ *Dichtung und Wahrheit*; — дѣйствія мои были, впрочемъ, такъ открыты, что мнѣ скрывать было нечего. — Поблагодаривъ Государя въ приличныхъ выраженіяхъ за снисходительное вниманіе, я прибавилъ: — «Государь, Вы хотите, чтобы я Вамъ написалъ свою неовѣдь, хорошо, я напишу ее; но Вамъ извѣстно, что на духу никто не долженъ каяться въ чужихъ грѣхахъ. Послѣ моего кораблекрушенія у меня осталось только одно сокровище, честь и сознаніе, что я не измѣнилъ никому изъ довѣрившихся мнѣ, и потому я никого называть не стану». Послѣ этого, à quelques exceptions près, я разсказалъ Николаю всю свою жизнь за границу, со всѣми замыслами, впечатлѣніями и чувствами, при чемъ не обошлось для него безъ многихъ поучительныхъ замѣчаній на счетъ его внутренней и внешней политики. Письмо мое, разсчитанное, во первыхъ, на ясность моего невидимому безвыходнаго положенія, съ другой же стороны, на энергическій нравъ Николая, было написано очень твердо и смѣло — и именно потому ему очень понравилось. — За что я ему дѣйствительно благодаренъ, это, — что онъ по полученіи его ни о чемъ болѣе меня не допрашивалъ. — Просидѣвъ три года въ Петропавловской, я при началѣ войны въ 1854 году былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ просидѣлъ еще три года. — У меня открылась цынготная и повывали всѣ зубы. Страшная вещь пожизненное заключеніе: влечить жизнь безъ цѣли, безъ надежды, безъ интереса. Каждый день говорить себѣ: «сегодня я поглупѣлъ, а завтра буду еще глупѣе». — Съ страшною зубною болью, продолжавшеюся по недѣлямъ и возвращавшеюся, по крайней мѣрѣ, по два раза въ мѣсяць, не спать ни дней ни ночей, — чтобы ни дѣлать, чтобы ни читать, даже во время сна чувствовать какое то неспокойное юрочаніе въ сердцѣ и въ печени съ *sentiment fixe*: я рабъ, я мертвецъ, я трунь. Однако я не унадалъ духомъ; еслибъ во мнѣ оставалась религія, то она окончательно рухнула бы въ крѣпости. — Я одного только безалъ: не примиряться, не resignироваться, не измѣниться, не унизиться до того, чтобы искать утѣшенія въ какомъ бы то ни

было обманѣ—сохранить до конца въ цѣлостн святое чувство бунта. — Николай умеръ, и сталъ живѣе надѣяться. Наступила коронація, амнистія. — Александръ Николаевичъ собственноручно вычеркнулъ меня изъ поданнаго ему списка, и когда спустя мѣсяць мать моя молила его о моемъ прощеніи, онъ ей сказалъ: «*Sachez, Madame, que tant que votre fils vivra il ne pourra jamais être libre*» *). Послѣ чего я заключилъ съ прѣхавшимъ ко мнѣ братомъ Алексѣемъ условіе, по которому я обязывался ждать терпѣливо еще мѣсяць, по прошествіи котораго, еслибъ я не получилъ свободы, онъ обѣщалъ привести мнѣ яду. Но прошель мѣсяць—и получилъ объявленіе, что могу выбрать между крѣпостью или сѣлкойю на поселеніе въ Сибирь. Разумѣется, я выбралъ послѣднее. Не легко досталось мнѣ освобожденіе меня изъ крѣпости; государь съ упорствомъ барана отбилъ нѣсколько приступовъ: разъ вышелъ онъ къ кн. Горчакову (министру иностр. дѣлъ) съ письмомъ моимъ въ рукахъ (именно тѣмъ письмомъ, которое въ 1851 году я написалъ Николаю) и сказалъ: «*mais je ne vois pas le moindre repentir dans cette lettre*» **)—дуракъ хотѣлъ *repentir*! Наконецъ, въ Мартѣ 1857 года я вышелъ изъ Шлиссельбурга, пробылъ недѣлю въ 3-емъ Отдѣленіи, и по Высочайшему соизволенію сѣлки у своихъ въ деревнѣ, а въ Апрельѣ былъ приведенъ въ Томскъ. — Тамъ прожилъ я около двухъ лѣтъ, познакомился съ милымъ польскимъ семействомъ, отецъ котораго Ксаверій Васильевичъ Квятковскій служилъ по золотопромышленности. Въ верстѣ отъ города, на дачѣ, или какъ говорится въ Сибири, на заимкѣ Астангово жили они въ маленькомъ домикѣ тихо и по старосвѣтски. Туда сталъ я ходить всякій день, предложилъ учить французскому языку и другому двухъ дочерей, сдружился съ моею женою, приобрѣлъ ей полную довѣренность, — я полюбилъ ее страстно, она меня также полюбила, — такимъ образомъ я женился, и вотъ уже два года женатъ и вполне счастливъ. — Хорошо жить не для себя, а для другаго, особенно если этотъ другой милая женщина. — я отдался ей весь, она же раздѣляетъ и сердцемъ и мыслью всѣ мои стремленія. — Она полька, но не католичка по убѣжденіямъ, поэтому свободна также и отъ политическаго фанатизма, она славянская патріотка. Генер. Губ. Западной Сибири Гасфордъ, безъ моего вѣдома, выхлопоталъ мнѣ Высоч. соизволеніе на вступленіе въ гражданскую службу, — первый шагъ къ освобожденію изъ Сибири, но я не могъ рѣшиться воспользоваться имъ — мнѣ казалось, что, надѣвъ кобурду, я потерю свою чистоту и невинность; хлопоталъ же я о переселеніи въ Восточную Сибирь и насилью выхлопоталъ; боялся для меня смятін Мурavyева, который прѣзжалъ въ Томскъ отыскать меня и явно, публично высказать мнѣ свое уваженіе. Долго не соглашался, наконецъ согласился. Въ Мартѣ 1859 г. я переселился въ Иркутскъ, вступилъ въ службу только что образовавшейся Амурской

*) Переводъ: знайте, милостивая государыня, что пока Вашъ сынъ живъ, онъ никогда не будетъ свободенъ.

**) Переводъ: но я не вижу ни малѣйшаго раскаянія въ этомъ письмѣ.

Компаніи; ѣздилъ въ слѣдующее лѣто по цѣлому Забайкалью, а въ началѣ 1860 года оставилъ Компанію, убѣдившись, что въ ней прока не будетъ. Теперь ищу службы по золотопромышленнымъ дѣламъ у Бенардаки; до сихъ поръ еще дѣла мои не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, а хотѣлось бы обойтись безъ помощи братьевъ. Они не богаты, къ тому, не ожидая петербургскаго рѣшенія, они фактически освободили своихъ крестьянъ съ землею и производить всѣ работы насмнымъ трудомъ, — что сопряжено съ большою тратою капитала. — Какъ бы то ни было, живу я здѣсь въ обстоятельствахъ довольно стѣсненныхъ, по надѣюсь, что дѣла мои скоро поправятся. — Пора въ Россію. До сихъ поръ всѣ старанія Муравьева выхлопотать мнѣ право возвращенія были безуспѣшны. Тимашевъ и Долгорукій, основываясь на какихъ то сибирскихъ доносахъ, считаютъ меня человекомъ опаснымъ и неперемѣннымъ. Впрочемъ, Муравьевъ увѣренъ, что ему удастся освободить меня нѣмъ весною. — Теперь я сильно надѣюсь на успѣхъ, и ѣхать въ Россію стало для меня дѣйствительною необходимою. Я не рожденъ для спокойствія, отдыхаю по неволѣ столько лѣтъ, пора опять за дѣло. Дѣятельность моя въ Сибири ограничилась пропагандою между поляками, — пропагандою, впрочемъ, довольно успѣшною; мнѣ удалось убѣдить лучшихъ и сильнѣйшихъ изъ нихъ въ невозможности для поляковъ оторвать свою жизнь отъ русской жизни, а потому и въ необходимости примиренія съ Россіею; — удалось убѣдить также и Муравьева въ необходимости децентрализаціи Имперіи и въ разумности, въ спасительности славянской федеративной политики. — Теперь надо въ Россію, чтобы искать людей; вновь познакомиться съ старыми и открыть новыхъ, чтобы ознакомиться живѣе съ самою Россіею и постараться угадать, чего отъ нея ожидать можно, (чего) нельзя. — Странно будетъ, если внутреннее движеніе, возбужденное крестьянскими вопросамъ, вылетѣтъ съ вѣишимъ, порожденнымъ по видимому Наполеономъ, въ сущности же далеко не умершею революціею, которой Наполеонъ только одинъ изъ органовъ, — странно, говорю я, если все это вылетѣтъ не разнѣтаетъ Россію. — Будемъ надѣяться, пока есть возможность надѣяться — а до тѣхъ поръ, друзья, прощайте.

Преданный Вамъ М. Бакунинъ.

Съ будущимъ письмомъ приложу письмо къ другу Рейхелю и приложу мой портретъ.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ И ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

(Продолженіе).

Говоря въ предыдущей статьѣ объ обратнo-пропорціoнальномъ отношеніи, не рѣдко замѣчаемо между размѣромъ заработной платы и продолжительностью рабочаго дня, мы имѣли въ виду культурнаго государства съ развитой промышленностью, каковы Германія, Англія и Соединенные Штаты Америки, откуда и брали примѣры и цифры, послужившіе для вышеупомянутаго вывода. По весьма любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что и въ Россіи наблюдаются совершенно тождественныя явленія. Въ этомъ легко убѣдиться хоть изъ статьи г. Абрамова «Изъ фабрично-заводскаго міра» (Отечественныя За-